

УДК 16.21.49

Масаева И.А.
Муниципальное казенное образовательное учреждение
«Гимназия № 14 городского округа Нальчик»
г. Нальчик
E-mail: rene1509@rambler.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СИМВОЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ, ОТРАЖАЮЩИМИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Аннотация. В статье проанализированы фразеологические единицы с символьными компонентами, отражающими религиозные верования в этнических картинах мира кабардинцев, русских и англичан. Обращение к теме обусловлено тем, что данный пласт образных средств характеризуется особой национально-культурной коннотацией, поэтому, безусловно, актуально исследование его как транслятора лингвокультурной информации, репрезентирующей особенности мировидения любого этноса.

Ключевые слова: фразеологизм, символ, религиозные верования, лингвокультура

Masaeva I. A.
Municipal educational institution
«Gymnasium № 14 of the city district of Nalchik»
Nalchik
E-mail: rene1509@rambler.ru

IDIOMS WITH SYMBOLIC COMPONENTS REFLECTING RELIGIOUS BELIEFS

Annotation. The article analyzes phraseological units with components of symbolic, reflecting the religious beliefs in the ethnic picture of the world of Kabardians, Russians and the British. The appeal to the topic is due to the fact that this layer of figurative means is characterized by a special national-cultural connotation, therefore, it is certainly important to study it as a translator of linguistic and cultural information that represents the peculiarities of the worldview of any ethnic group.

Key words: phraseology, symbol, religious beliefs, linguistic culture.

Как отмечают исследователи, «между религией и языком как формами общественного сознания, – пишет Н.Б. Мечковская, – существует сложная

взаимосвязь, в которой религия выступает как источник жизненно важных смыслов, а язык – как семантическая оболочка этих смыслов» [9, с. 45]. Эта особенность наиболее ярко представлена во ФЕ с символическими компонентами, отражающими религиозные верования. Семантическая палитра данных ФЕ, о чем свидетельствуют и материалы, извлеченные нами из различных словарей [Б.М. Карданов Б.М; Б.Ч. Бербеков, Б.Ч. Бижоев, Б.К. Утижев; А.Г. Емузов; А.В. Кунин; А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; В.М. Огольцов; В.Н. Фелицына, В.М. Мокиенко и др.], достаточно богата, об этом свидетельствуют и некоторые исследования. Так, В.Н. Шведова описала структурно-семантические и функционально-грамматические свойства 283 ФЕ с компонентом «бог» [12]. В.А. Виноградов отмечает, что концепт Бог – это «важнейший концепт, необычайно сложный, многослойный» [4, с. 9]. Данная проблема в дихотомии «язык – религия» обозначена в работах «Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке» Н.П. Дроновой, в кандидатской диссертации Н.В. Шведовой «Фразеологизмы с компонентами «Бог» и «Черт» в современном русском языке», в кандидатской диссертации Н.А. Воробьевой «Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект» [7; 12; 5 и др.], но исследуется не столь активно, хотя изучение религиозной картины мира в контексте фразеологической картины мира существенно обогатило бы лингвокультурологию, этнолингвистику и когнитивистику, так как, с одной стороны, религия сама по себе символична, а с другой – фразеологизмы как «результат когнитивных сложных процедур, в процессе которых на основе известных об окружающем мире знаний репрезентируются новые знания об объектах действительности в вербальной образной форме», представляют собой богатый эмпирический материал [2, 106].

ФЕ, отражающие религиозный код, имеют ярко выраженную национально-специфическую маркированность. В.Н. Телия пишет о том, что

«сильными» кодами «для обыденного сознания являются те, которые зафиксированы как прескрипции в сакральных (религиозных) текстах» [11, с. 219]. Фразеологические единицы, связанные этимологически с религиозными дискурсами, она квалифицирует как «разные виды цитации»: это а) прямая цитация, например, соль земли; б) «аллюзия к религиозным текстам через включенность во фразеологизм одного-двух слов», например, тьма крошечная, в) «сжатие сюжета», например, валаамова ослица [11, с. 244].

Анализ ФЕ, моделирование которых произошло под влиянием религиозного кода, показывает, что большинство из них можно отнести к группе «б»: например, в кабардино-черкесских ФЕ гуэныхь щІэн «грешить», гуэныхь къэхьын (зытегъэхуэн) «принять на себя грех», гуэныхь техын «отпустить кому-л. грехи», андез къутэн «взять грех на душу» (досл.: нарушить совершенное омовение), диным икІын «растеряться, потерять рассудок, броситься в панику».

В образовании кабардино-черкесских ФЕ участвуют заимствования из арабского языка, которые вошли в лексикон вместе с распространением на Кавказе ритуалов, обусловленных исламом, поэтому они как сакральные единицы легко узнаваемы и в структуре ФЕ и пословиц.

В образовании ряда фразеологических единиц кабардино-черкесского, русского, английского языков участвуют эквивалентные ментальные лексемы Аллах, Тхьэ (Тхьэшхуэ «Великий бог»), Бог, God. В адыгской картине мира Аллах и Тхьэ встречаются в разных контекстах. Однако Е.А. Ахохова пишет, что эти элементы «сосуществуют, не противореча, а дополняя друг друга» [1, с. 2]. Приведем примеры: «Тхьэ закъуэр сыт шыгъуэми ди гъусэщ» – «Тхьэ всегда наш спутник, всегда рядом с нами», «Тхьэм и ней (и нэфІ) зыщыхуэн» – «Попасть под злой (добрый) глаз Бога», «Тхьэ и пашхьэм къыщыхутэн» – «Очутиться перед Богом».

Семантика данных ФЕ основана на а) мировоззренческом компоненте религии, в частности вере в Бога, а значит, вере в сверхъестественное, воспринимаемое как реальное, б) отношении человека к Богу, в) канонах религии (ср. англ. **God moves in a mysterious way, his wonders to perform** (досл. Бог перемещается таинственным способом, чтобы совершать свои чудеса).

По мнению А.Т. Шортанова, предположения о том, что Тха-Тхашхо – христианский дубликат, позже воспринявший элементы мусульманского аллаха, – это явное заблуждение, ибо первобытная «естественная религия» не знает случаев, когда над кругом ее божеств и покровителей не возвышался бы «главный» или «верховный» бог» [13, с. 23]. Следует при этом отметить, что лексема *аллах* вошла в кабардино-черкесский язык позже вместе с исламом. О том, что деятельность людей «регулировалась верховными божествами, и в ведомстве каждого находилась определенная область практического освоения действительности, – пишет В.В. Антропова. – Так, центром дома мыслился бог огня – Сварог, к которому обращались с просьбой исцелить домашних животных и скот; бог плодородия Ярила, особенностью культа которого была его связь с определенным временем года, весной должен был помочь обеспечить богатый урожай» [1, с. 38].

Компоненты Аллах/ Тхъэ/ Бог/ God во ФЕ и пословицах символизируют

- 1) **наличие или отсутствие умственных способностей человека:** *рус.* от Бога, Божий дар, Бог не обидел, Бог обидел; *анг.* **forsaken by God** «Богом обиженный»;
- 2) **материальное благополучие:** *рус.* как у Бога за пазухой;
- 3) **действия человека как положительные, так и отрицательные:** *каб.* Алыхьыр ещІэ, ящІамэ, ешх «бездельник» (досл.: аллаха чтит, да ест что подадут), Тхъэ плуами, уигъэпцІынщ «если даже ты дал клятву именем Тха (Бога), то заставит нарушить ее», Тхъэ гъэпцІын «предать Бога»; *рус.*

материться в бога, крыть в бога, перепутать божий дар с яичницей; *анг. serve God and Mammon* «служить богу и мамоне»;

4) **состояние человека:** *каб. Алыхьым имыгъэкIуэн* «Аллахом наказанный», *Алыхьым иужэгъужын* «отвергнутый Аллахом», *Тхьэр зэуа (зэуэжа)* «Богом обиженный, несчастный»; *анг. drunk as a Lord* «очень пьяный, как Бог». Следует отметить, что сравнение с Богом человека в состоянии, порицаемом обществом, не свойственно ни кабардино-черкесскому, ни русскому языковому сознанию;

5) **гостеприимство:** *рус. Бог велит всех знать (со всеми знаться).* В то же время необходимо подчеркнуть, что Бог как символ рассматривается условно в силу персонифицированности в высшей степени.

В основе некоторых фразеологических единиц лежат стереотипы, смоделированные в народном сознании тем, что люди искали в религии ответы на многие вопросы, на которые сами не могли дать ответа, и в ней, как правило, они искали, находили утешение. Широкий спектр когнитивных признаков в исследованном эмпирическом материале с компонентом Бог мы обнаружили в русском языке:

- 1) Бог – это справедливость: **Бог всякую неправду сыщет, все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом;**
- 2) Бог – это надежда: **возложить надежду на бога;**
- 3) Бог – это сила: **нужный путь бог правит;**
- 4) Бог – это милость: **у Бога милости много, велик Бог милостию, богат Бог милостию, у Бога есть что подать, страшен сон, да милостив Бог;**
- 5) Бог – кара: **гнев Божий, кара Божья, Божьи жернова мелют медленно, но верно;**
- 6) Бог – жизнь: **Божья жизнь,**
- 7) Бог – добро: **кто любит Бога, добра получит много.**

В русской лингвокультуре неоднозначное отношение к Богу содержится и в пословице «**Бог не убог, а Никола милостив**».

Таким образом, ценностные характеристики Аллаха/Бога, их оценочная шкала связаны с восприятием его как высшей сверхъестественной силы, которая предопределяет судьбы людей, поэтому у него следует просить милости и помощи, но в то же время необходимо и самому прикладывать определенные усилия, чтобы добиться успеха. Обращение к Всевышнему вселяет в человека веру в добро, расширяет его духовный мир. Безусловно, религиозные традиции, ставшие основой фразеологических единиц, внесли значительный вклад в кумуляцию этнокультурной информации. В языковом сознании этносов бытуют и такие образные единицы, которые символизируют безверие в Бога: *каб.* **шейтланым игъэщтам тхъэр и фІэш хъужыркъым** «перепуганный шайтаном в Бога уже не верит», *рус.* **отречься от бога**; *анг.* **believe neither in God, nor in the devil** «не верить ни в бога, ни в черта» и т.д. Большинству образных средств присуща символическая функция, связанная с персонификацией Бога: **Бог дал, Бог взял, Бог видит, Бог слышит, Бог долго ждет да больно бьет, Бог даст, человек предполагает, а Бог располагает** и т.д. Данные ФЕ построены на культурологической семантике «религиозности, так как концептуализируют христианские идеи несуетности, покорности, принятия своей доли, участи, шире – смирения» [1, с. 153].

Вышеприведенные примеры свидетельствуют об онтологической сущности символов, восходящих к религии, об их неизменном, постоянном характере. Фразеологический материал, отражающий богатую символическую палитру религиозных компонентов, представляет ценность для понимания значения культурного наследия.

Особое место во фразеологии, связанной с религиозной символикой, в кабардино-черкесском языке занимают образные единицы с компонентом **псэ** «душа», выступающим как ядерное средство передачи ценностной информации [см. 6]. Известно, что в пантеоне богов адыгов большую значимость имеет Псатхьэ «Бог души». А.Т. Шортанов пишет: «По воззрениям предков адыгов, Псатха признавался одним из главных божеств, вторым богом после Тхашхо. Это несомненное свидетельством той силы веры в душу, которой была пронизана адыгская мифология» [13, с. 43].

Вера в душу отразилась в таких ФЕ, как **псэр хэКІын** «испустить дух, умереть», и **псэр хьэршым хыхьэжащ** «душа его ушла в поднебесье», **псибл Іутц** «живучий» (досл.: с семью душами), и **псэр хэльэтащ** «душа его улетучилась», **псэм еІэн** «покушаться на чью-либо жизнь» (досл.: схватить за душу), **псэм хыхьэн** «войти в душу», **псэр дзапэкІэ Іыгьын** «находиться в состоянии тревоги, сильного беспокойства» (досл.: держать свою душу передними зубами), и **псэм еджэу** «при смерти» (досл.: лежит, зовя свою душу), **псэжьыр льхуэри емынэжь кьильхуащ** «душа злого человека переходит в злomu человеку» (досл.: старая душа родила чудовище», **зэІусэм псэ кьыхегьакІэ** «за что ни возьмется, душу вдохнет») и др.

Псэ/ душа является символом жизни, смерти, по поверьям адыгов, она обитает в ногах, голове, волосах, может перейти к другому человеку. Очень интересна в лингвокультурном плане пословица «Пхьурыльхур кьихьэмэ, псатхьэр магъ» «Когда появляется в доме племянник, икона плачет». «У адыгов, – пишет А.Т. Шортанов, – как и у многих других народов, племянник – лицо особо почитаемое. Ребенок сестры так же дорог дяде, как и отцу» [13, с. 55]. Однако это объяснение не убеждает. Икона не является компонентом религиозной культуры адыгов, и в данном случае речь идет о кабардинцах, проживающих в Моздоке и исповедующих христианство. Тем более что

Псатхэ переводится как божество, а не как икона. Видимо, божество души (Псатхэ) плачет, поскольку в связи с появлением племянника в доме принято было приносить в жертву барана. Для того, чтобы раскодировать информацию, заложенную в данной пословице, необходимо иметь фоновые знания.

Приведем русские ФЕ с компонентом душа: **душа нараспашку** «искренний, прямодушный человек, откровенно выражающий свои мысли, чувства, намерения», **отдать Богу душу** «умереть», **крик души** «непосредственное, внезапное выражение острого, сильного чувства, переживания», которые отражают религиозные представления этноса, хотя ФЕ крик души, как отмечают А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, – это калька с французского *le cri du coeur*. В ее основе лежит вера в то, что когда душа покидает тело, «раздается крик, разносимый по всей земле», но человек такой крик не способен услышать [8, с. 346]. В них душа предстает как нечто данное человеку Богом, которое после смерти возвращается к самому богу.

Приведенным выше ФЕ противопоставлены языковые единицы с компонентами черт, дьявол, бес, *devil*, которые репрезентируют в языковом сознании людей:

а) зло: *рус.* **бес сидит, черту душу продать (заложить), бесу послужить; *анг.* **sell one's soul to the devil** «продать душу дьяволу» и др.; в их основе лежит страх людей перед демонологическими силами и вера в их сверхъестественные силы;**

б) **внешнюю и внутреннюю нечистоплотность**, например, в русской лингвокультуре ФЕ **как черт в преисподней** в русском языке содержит такие характеристики, как «очень грязный», «злой»;

в) **лицемерие**: *анг. serve the devil for God's sake* «служить дьяволу, прикрываясь именем Бога», **the devil can cite Scripture for his purpose** «если дьяволу понадобится, он прочтет и евангелие».

В основе некоторых ФЕ лежат суеверия, например, фразеологизм заколдованный круг в значении «безвыходное положение, создавшееся в результате особого стечения обстоятельств; вынужденного повторения одних и тех же действий» связан с боязнью людей, что волшебники и колдуны могли создавать круг, из которого выйти очень сложно.

Лингвокультурная ценность приведенных ФЕ связана с особенностями мировидения этносов, в частности со спецификой мифологического освоения мира, позднее – христианского, мусульманского представлений об окружающей действительности. С Всевышним у носителей языков связаны представления о жизни, смерти, бессмертии, судьбе, грехе, счастье, несчастье и т.д. А.В. Сивкова считает, что «Бог» – это особое ментально-вербальное образование, обладающее «абсолютным» содержанием и как таковое образующее особый сингулярный тип концепта» [10, с. 11].

Таким образом, фразеологические единицы репрезентируют архетипические представления этносов о добре и зле, жизни и смерти, смирении и покаянии, вере, то есть фундаментальные категории. В экспликации религиозных представлений участвуют различные метафорические модели, в основе которых лежат понятийные области «человек», «судьба», «доля», «счастье», «грех» и т.д.

Несмотря на то, что в кабардино-черкесском, русском и английском языковом сознании эти понятия репрезентируются эквивалентными лексемами Аллах, Бог, God, они носят как универсальный, так и национально-специфический характер, содержат социально значимую лингвокультурную информацию:

а) религиозную (бог, вера, безверие),

- б) социально-бытовую (смерть, жизнь, материальное благополучие),
- в) морально-этическую (добро, зло, покаяние, грех) и др.

Этноспецифическая направленность их зафиксирована в значительном количестве фразеологических единиц, участвующих в концептуализации особенностей миропонимания кабардино-черкесского, русского и английского этнических коллективов.

Отражение фрагментов религиозной картины мира во фразеологизмах детерминировано тем, что она оказывает влияние на формирование не только индивидуального, но этнического миропонимания. В таком ракурсе религия представляется как экстралингвистический фактор, который воздействует на язык и культуру, поэтому не удивительно то, что во ФЕ запечатлены религиозные символы как носители сакрального смысла, а сами фразеологические обороты являются кумуляторами важнейшей этнокультурной информации.

Библиография

1. Антропова В.В. Фразеологизмы с теологическими, демонологическими компонентами и их дериватами в современном русском языке: семантический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 209 с.
2. Ахохова Е.А. Адыгский религиозный синкретизм: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 1996. – 28 с.
3. Аликаев Р.С., Башиева С.К. ФЕ как транслятор этноспецифической информации// Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2010. – С.106 – 109.
4. Виноградов В.А. Вступительное слово при открытии круглого стола: когнитивная лингвистика сегодня // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сборник научных трудов. – М.–Калуга: Эйдос, 2007. – С. 6–12.
5. Воробьева Н.А. Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филолог. – Екатеринбург, 2007. – 21 с.
6. Дзуганова Л.М. Языковая концептуализация души: дис. ... канд. филолог. наук. – Нальчик, 2008. – 228 с.
7. Дронова Н.П. Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке//Когнитивные исследования языка. Проблемы языкового сознания: материалы Международной конференции 15–17 сентября 2011 г. – Вып. VIII. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 402 – 404.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.

9. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
10. Сивкова А.В. Идиостиль Н.В. Гоголя в аспекте лингвокогнитивной поэтики (на материале произведений «Ночь перед Рождеством» и «Мертвые души»): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Калининград, 2007. – 23 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
12. Шведова Н.В. Фразеологизмы с компонентами «Бог» и «Черт» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Тюмень, 2004. – 21 с.
13. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 194 с.

Словари

- Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Ч., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 240 с.
- Емузов А.Г. Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик, 1992. – 368 с.
- Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик, 1968. – 341 с.
- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 544 с.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
- Огольцов В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: ООО «Русские словари» АСТ-Астрель, 2001. – 800 с.
- Русско-английский словарь. – 14-е изд., стереотип. / сост. О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др. / под общ. рук. А.И. Смирницкого / под ред. О.С. Ахмановой. – М., 1987. – 768 с.
- Фелицына В.Н., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1990. – 220 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. – М.: ТОПИКАЛ, 1995. – 608 с.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

References

1. Antropova V.V.. Idioms with theological, demonological components and their derivatives in modern Russian: semantic and linguocultural aspects: dis. ... Cand. Of philol. sciences. – Chelyabinsk, 2004. – 209 p.
2. Akhokhova E.A. Adyghea religious syncretism: author. dis. ... Cand. Of philosoph. sciences. – M., 1996. – 28 p.
3. Alikaev R.S., Bashieva S.K.. Phraseological units as a translator of ethnospecific information // Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University. – Pyatigorsk, 2010. – S.106 – 109.
4. Vinogradov V.A. Opening remarks at the opening of the round table: cognitive linguistics today // Problems of representation (representation) in language. Types and formats of knowledge: a collection of scientific papers. – M.–Kaluga: EНjdos, 2007. – S. 6–12.

5. Vorob'yova N.A.. Russian sacred idiomatics: linguistic and culturological aspect: author. dis. ... Cand. of philology. sciences.– Ekaterinburg, 2007. – 21 s.
6. Dzuganova L.M. Language conceptualization of the soul: dis. ... Cand. philologist. of sciences – Nal'chik, 2008. – 228 s.
7. Dronova N.P.. Language means of verbalization of "sacredness" in the German language // Cognitive studies of the language. Problems of linguistic consciousness: materials of the International Conference September 15-17, 2011 - Vol. Viii. - M .: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: TSU Publishing House
G.R. Derzhavina, 2011. - p. 402 - 404.
8. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Idioms in Russian: Dictionary. - M .: Russian dictionaries, Astrel, 2001. - 856 p.
9. Mechkovskaya N.B. Language and religion. - M .: Agency "FAIR", 1998. - 352 p.
10. Sivkova A.V. Idiostyle N.V. Gogol in the aspect of linguistic cognitive poetics (on the material of the works "Eve before Christmas" and "Dead Souls"): author. dis. ... Cand. of philolog. sciences. - Kaliningrad, 2007. - 23 p.
11. Teliya V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. - M .: School "Languages of Russian culture", 1996. - 288 p.
12. Shvedova N.V. Phraseological units with components of "God" and "Devil" in the modern Russian language: author. dis. ... Cand. of philolog. sciences. - Tyumen, 2004. - 21 p.
13. Shortanov A.T. Adyg mythology. - Nalchik: Elbrus, 1982. - 194 s.

Dictionaries

- Berbekov B.Ch., Bizhoev B.Ch., Utizhev B.K. School phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language. - Nalchik: Elbrus, 2001. - 240 p
- Emuzov A.G. English-Kabardino-Russian phraseological dictionary. - Nalchik, 1992. - 368 p.
- Kardanov B.M. Kabardino-Russian phraseological dictionary. - Nalchik, 1968. - 341 p.
- Kunin A.V English-Russian phraseological dictionary. - 4th ed., - M .: Russian, 1984. - 544 p.
- Melerovich A.M., Mokienko V.M. Idioms in Russian: Dictionary. - M .: Russian dictionaries, Astrel, 2001. - 856 p.
- Ogol'cov V.M. The Dictionary of Sustainable Comparisons of the Russian Language (synonym-antonymic). - M .: LLC "Russian dictionaries" AST-Astrel, 2001. - 800 p.
- Russian-English dictionary. - 14th ed., Stereotype. / status O.S. Akhmanova, Z.S. Vygodskaya, TP Gorbunova and others / under total. hands A.I. Smirnytsky / ed. O.S. Akhmanova. - M., 1987. - 768 p.
- Felicyna V.N., Mokienko V.M. Russian idioms. Linguistic and Cultural Dictionary. - M .: Russian language, 1990. - 220 p.
- Phraseological dictionary of the Russian literary language of the end of the XVIII – XX centuries. / A.I. Fedorov. - Moscow: TOPIKAL, 1995. - 608 p.
- Phraseological dictionary of the Russian language / A.I. Molotkova. - M .: Russian, 1986. - 543 p.